

МАЛЬЦЕВ БОРИС АЛЕКСЕЕВИЧ

Председатель Государственной Думы Томской области

Родился 12 июля 1938 года в Перми.

В 1960 году окончил факультет промышленного и гражданского строительства Томского инженерно-строительного института. Академик Российской академии естественных

наук, действительный член Международной инженерной академии, профессор.

После окончания вуза работал мастером, прорабом на стройках Томской области. В 1964 году возглавил завод железобетонных конструкций. С 1970 года – заместитель начальника «Главтомскстроя». С 1971 по 1982 год – главный инженер, с 1982 года – начальник «Главтомскстроя». С 1990 по 1991 год – заместитель председателя Томского облисполкома. С 1991 по 1994 год – генеральный директор Томской промышленно-строительной ассоциации.

Более 30 лет одновременно с производственной деятельностью вел преподавательскую работу в Томском архитектурно-строительном университете.

Депутат Томского областного Совета народных депутатов (1970–1984). Депутат Государственной Думы Томской области первого (1994–1997), второго (1997–2001) и третьего созывов. Все эти годы – бессменный председатель томского парламента. В общей сложности – более 25 лет депутатского стажа. Стоял у истоков формирования областной законодательной системы. Стал одним из непосредственных авторов Устава Томской области. С 1996 по 2001 год – член Совета Федерации Федерального собрания РФ, заместитель председателя комитета по международным делам. С 1997 по 2001 год – член Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). С мая 2002 года входит в состав Совета законодателей субъектов РФ. С 2005 года – заместитель председателя Совета «Сибирского соглашения». Возглавлял Томское отделение общероссийского политического движения «Отечество».

Автор более 40 научных публикаций по вопросам управления и технологии строительства зданий в условиях Сибири. Автор книг «Слово о власти», «Слово о законе», «Слово о жизни», «Слово к депутатам (сто спичей председателя)», «Записки инженера-строителя».

Награжден орденами «Знак Почета» (1976), Дружбы народов (1981), Трудового Красного Знамени (1986), «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Награжден почетным знаком «Общественное признание», медалями, в том числе «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири». Почетный гражданин города Томска. Заслуженный строитель РФ (1993).

Женат, имеет двоих сыновей и трех внуков. Увлечения – плавание, лыжи, конный спорт.

Здравствуйте, уважаемые студенты и преподаватели!

Моя лекция посвящена событию, которое может состояться только один раз в сто лет – 100-летию парламентаризма в России, отмечаемому этой весной.

Само слово «парламент» имеет латинские корни и в буквальном смысле означает «говорильню», «серьёзный разговор». С этой точки зрения здесь, в этом зале, происходит не что иное, как «парламент». Но не следует понимать, что серьёзные разговоры в России ведутся только сто лет. Речь идет о становлении российского парламентаризма как самостоятельного социально-политического института. Процесс этого становления в целом еще очень далёк от своей зрелой фазы. Забегая вперед, скажу, что в некоторых регионах он идет быстрее...

Столетие – это много для человеческой жизни, но очень мало для института законодательной (представительной) власти. Российская Дума, несмотря на свой столетний возраст, еще младенец по сравнению с законодательными органами Европы, первые из которых – испанские кортесы и английский парламент – появились ещё в 12-13 веках.

Путь русского народа к правовому государству и гражданскому обществу напоминает лабиринт. Только забрежит «светлое будущее» в конце тоннеля, как выясняется, что это очередной «светлый тупик». Обычно принято винить в этом вождей-«поводырей». Есть и ещё одна любимая версия: фатальная НЕПРИЛОЖИМОСТЬ общечеловеческих ценностей в виде демократических прав и свобод к специфическому русскому национальному характеру. В этом смысле очень показательное обращение русского солдата к декабристу Муравьёву-Апостолу: «Мы поняли, барин, что у нас будет свобода. Только мы не поняли, а кто царём-то у нас будет?».

В чём же особенность русского образа мыслей по отношению к государственному устройству собственной страны? Умные люди говорят, что она заключается в ДВОЙСТВЕННОМ отношении россиян к вечной проблеме «народа и власти». С одной стороны, сильна тяга к сильному центру, культу

вождя; с другой, - стремление к социальной справедливости «всё сложить и поделить», к коллективному, общинному решению наиболее важных проблем. Причем в истории русской государственности эти две «тяги», два «стремления» часто сочетались одновременно! Какое же из них сильнее? Многие историки считают, что традиции демократии на Руси еще древнее, чем на Западе. Только демократии не представительной, а непосредственной. В чем разница этих двух демократий, надеюсь, вам ясно. В первом случае граждане избирают представителей, и те уже от имени граждан принимают решения. Во втором случае граждане сами решают и сами голосуют.

У истоков древнего русского государства в 7-9 веках стоял Новгород, Новгородская республика, где правили «уважаемые люди» – богатые купцы и бояре. Умело манипулируя сознанием простых горожан, – без телевидения, с помощью выкатывания бесплатной бочки медовухи, – они протаскивали нужные им решения через городское народное вече, формально главный государственный орган.

(«Питейная» технология, разработанная новгородцами еще 13 веков назад, с успехом используется некоторыми современными пиар-специалистами в процессе сбора подписей в пользу того или иного кандидата или партии).

Князь в Древней Руси был не монархом, а общинным чиновником, с которым вечевая община заключала договор, и власть князя простиралась лишь до момента, пока он этот договор исполнял. Сейчас такой «князь» назывался бы топ-менеджером, приглашенным для управления большой организацией. На Руси в «топ-менеджеры» приглашали не только своих, но и варягов. Так был приглашён на княжение шведский конунг Рюрик, основатель первой царской династии.

Однако в этой по-своему демократической системе был большой изъян. Городская община – «лучшие люди» – бояре и купцы города – больше заботились о своей выгоде, чем о государственных интересах. Поэтому долгое время Древнее Русское государство страдало от междоусобиц князей и бояр. Конец этой внутренней политике раздробленности положило 200-летнее иго

Орды: русскому народу пришлось признать ценность государственной власти князя или царя как защитника единого российского пространства от врагов-басурман. Стало уже не до демократии – был бы сильный царь и сильное государство! Вот почему так легко московский великий князь Иван III создал в 15 веке большое по тем временам Русское государство, присоединив почти без сопротивления и республиканский Новгород. Первое, что сделал Иван III – срезал вечевой колокол и увез его в Москву, что фактически положило начало самодержавию и конец демократии.

Очередным шагом к парламентаризму стала созданная в Московском государстве при том же Иване III (15 век) Боярская Дума, выполнявшая функции законосовещательного органа. Дума имела власть не соглашаться с государем. Под документами Боярской Думы наряду с обычной формулой “Великий государь говорил, а бояре приговорили” можно встретить формулировки “Великий государь говорил, а бояре не приговорили”. Значение опыта Боярской Думы в истории становления законодательной власти в России больше всего состоит в том, что она была своеобразным механизмом сдержек и противовесов между различными политическими силами. Царь, таким образом, как бы делился властью с боярами, повышал их статус в государстве и, тем самым, сохранял собственную власть, не допуская сговора и инакомыслия.

В Московском же государстве заметную роль в законотворческой деятельности играли Земские Соборы. В их состав входили епископы, бояре, воеводы, а также представители разных сословий. Первый Собор проходил в 1549 году, последний - в 1698 году при Петре I. Всего Соборов было 60. Они не имели регламента, фактически все диктовал царь. На Соборах принимались важнейшие решения, имевшие силу закона: об избрании на царство представителя дома Романовых; о воссоединении Украины с Россией и др. В первой четверти 17 в. под контролем Земских Соборов находились высшие государственные административные учреждения: ведавший казною Большой приход; Разрядный, Поместный, Разбойный, Дворцовый и другие «приказы». Но к концу “бунташного” века самодержавная тенденция в России возобладала

окончательно: Земские Соборы царь Алексей Михайлович отменил. Однако, вплоть до революции 1905 года идея Земского Собора продолжала быть в России важным символом для самых разных политических сил.

Пётр I упразднил остатки «демократии» – Боярскую Думу и патриаршество. Вместо этого он создал коллегиальный орган – Синод (Сенат). Это высшее административное учреждение занималось подготовкой законопроектов, но не более того. Только после представления императору эти документы приобретали силу законов. Да и вообще, Пётр ни с боярами, ни с сенаторами никогда не церемонился. Чего стоит только его царское повеление «речи излагать токмо устно, а не по письменному, дабы дурь каждого видна была».

18-й век в очередной раз проиллюстрировал полярное отношение русского народа к государственности. Великий русский философ Николай Бердяев об этом сказал так:

«Душа русского народа – сложная и запутанная, в ней столкнулись и смешались два потока мировой истории, восточной и западной... Русский народ никогда не мог из собственных недр родить мужественной власти, а искал её на стороне, призывая варягов... Явлением мужественным... был Пётр. Но Пётр был не столько мужем, сколько насильником... Часть народа приняла Петра за антихриста. Пётр вздёрнул Россию на дыбы, он призвал Россию к великому будущему. Но в... русской душе осталось глубокое недовольство против... призвания Петра, и оно перешло в озлобление... Или царь, или полная анархия – между этими полюсами колеблется мысль народная».

Стоит упомянуть и ещё одну национальную черту русского народа, не однажды сыгравшую с ним злую шутку: «Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого, он был бы исполином. Враг этот – лень». (Николай Гоголь)

И нет разницы: лежать ли на диване перед телевизором и не идти на выборы, или спать на печи и забыть про деревенский сход. «Емеля» – вот истинный народный герой. Но «стоит Емеле слезть с печи, как выясняется, что

его фамилия – Пугачёв». И чтобы усмирить разгулявшуюся «Емелину душу», писанных законов оказывается уже недостаточно. Народный террор подавляется государственным террором.

Итак, из века в век по синусоиде: попытки российских монархов переустроить государство посредством законодательных реформ чередуются с попытками русского народа переустроить государство посредством бунтов. И ни та, и ни другая сторона не могут довести своё дело до конца. Тем не менее, один монарх остаётся в истории более как «реформатор», другой – более как «усмиритель».

Александру I суждено было прослыть реформатором, т.к. именно при нём (начало 19 века) вновь стала обсуждаться идея учреждения парламента. Управление страной предлагалось осуществлять на основе разделения властей и участия общества в выборах, начиная с мельчайшей волости. В проекте реформы впервые появились слова «Государственная Дума» и «Государственный Совет», чтобы навсегда войти в парламентскую практику России. Госсовет собрался на своё первое заседание 1 января 1810 г. и продолжал работу вплоть до февраля 1917 г. Госдума же не успела начать свою деятельность, т. к. её разработчики в результате придворных интриг были отправлены в отставку. Становление парламентской законодательной власти в России вновь было отложено до лучших времён. Но из-за восстания декабристов в 1825 г. Николай I («усмиритель») запретил даже думать о парламенте.

Продолжение реализации идеи российского парламентаризма относится к 60-м годам 19 века. Царь Александр II на удивление последовательно и решительно провёл ряд фундаментальных реформ: крестьянскую, земскую, школьную, судебную, печати. Однако в отношении утверждения законодательной власти в форме парламента на высшем уровне император-реформатор на завершающий шаг не решился. Убийство Александра II заставило снова свернуть любую деятельность по проектированию становления представительной законодательной власти.

Новый российский парламент – Государственная Дума – возник на гребне первой русской революции 1905 года. Будучи подобием западно-европейской формы согласования интересов различных общественных групп, он просуществовал с 1906 по 1917 год. Мнения по поводу его “отцов-создателей” и оценки деятельности парламента - крайне противоречивы. Одни считают, что это было прогрессом на пути к демократии, другие, что «все четыре дореволюционные Думы, как могли, разрушали Российскую империю».

Вот только некоторые исторические факты: к участию в выборах в первую Думу не допускались студенты, военнослужащие, евреи, женщины, молодежь до 25 лет, военнослужащие, полицейские и высшие должностные лица губернского управления. Существовал имущественный ценз: для горожан он составлял доход, умноженный на 20, а для крестьян – доход, умноженный на 10. Списки избирателей публиковались. Запрещалось давать наказы кандидатам.

В Томской губернии действовало специальное Положение о выборах. Согласно этому документу крестьянин, допущенный к выборам, должен был иметь 300 десятин. В Николаеве генерал-губернатор на встречу с кандидатами не допускал больше четырех человек. В городах жены пытались голосовать за своих мужей, а кучеры за генералов. Явка избирателей составила: по России по городской курье - 50%, по губернии – 20-25%.

Крестьяне рассматривали Думу, как царскую забаву. Избирали не лучших, а тех, кто за меньшую сумму поедет в губернию в Томск: в одной из деревень мужик согласился поехать за 3 рубля, его и избрали. Не лучше дело обстояло и на заводах, когда избирали выборщиков. На Балтийском заводе из 6000 рабочих голосовало – 800. На сталелитейном заводе Сан-Галли из 815 работников – только 50, на Путиловском из 11 тысяч – 600 человек. В столице 133 предприятия (50%) бойкотировали выборы. На одной из питерских фабрик была избрана фабричная собака Роза. На Алексеевском чугунном заводе избрали заводскую трубу. Всё это говорит о том, что значительной части народа парламентские настроения были еще чужды.

В России I Дума просуществовала всего 72 дня. Для сравнения: французское национальное собрание – 77 дней. За подписание Воззвания к народу по поводу незаконного роспуска I Думы 167 ее депутатов судили и дали им по 3 месяца тюрьмы.

Реакция страны на роспуск Думы была вялой. Один из депутатов так высказался по этому поводу: «Сонные пешеходы, сонные лошади, сонное солнце. Безлюдье! Никакой жизни, никакого интереса к нам... кричать хотелось от боли и ужаса!»

Как бы там ни было, но первая Государственная Дума 1906 года была уже довольно демократична по своему составу: 45,5 % крестьян; 36 % дворян и 18,5 % - других сословий. Показателен состав группы депутатов от Томской губернии, избранных в первую Российскую Думу в конце мая 1906 года. Из шести человек только один был сибирским интеллигентом – Алексей Макушин, брат Петра Макушина, известного просветителя и книгоиздателя. Остальные пять были крестьянами без среднего образования, но умевшими читать и писать.

Уже весной 1907-го состоялись выборы во вторую Думу, куда от Томской губернии снова было избрано 6 человек: четыре крестьянина и два интеллигента. Срок существования этой Думы оказался также коротким: всего 103 дня.

Вам, наверное, интересно будет знать, что среди двух «не крестьян», избранных во вторую Думу, был профессор Императорского Томского университета, юрист, статский советник Николай Николаевич Розин. В Думе он работал в комиссии по вопросам амнистии. Вернувшись в Томск после роспуска Думы, он два раза избирался проректором университета, был деканом юридического факультета. Блестящий оратор, он выступал защитником университетской автономии и студенческих прав. Николай Николаевич Розин принадлежал к разряду выдающихся русских ученых в области криминологии и теории наказаний. В 1910 году он участвовал в конгрессе Международного союза криминалистов в Брюсселе, представляя Россию. С 1912 г. Розин стал

работать в столичном Санкт-Петербургском университете. Среди его учеников был известный во всем мире философ и социолог Питирим Сорокин. Можно только догадываться, каких высот достиг бы парламентаризм в России, если бы работали такие выдающиеся личности, как Николай Розин.

К сожалению, деятельность группы сибирских депутатов в 3-й и 4-й Думах (1907-1917 гг.) была существенно ограничена. Царь и правительство не захотели поощрять чересчур активных сибиряков. На это у них были свои соображения.

(Тем, кто интересуется историей сибирского парламентаризма, рекомендую обратиться к сайту, созданному Томской библиотекой им. Пушкина при содействии Государственной Думой Томской области)

Итак, в 1917 году наступило время новой “пугачёвщины”, каковую увидели в Октябрьской социалистической революции многие зарубежные и отечественные историки, философы, общественные деятели. России уже давно советовали опасаться «Пугачёва» с университетским образованием, ибо такой «Пугачёв» сможет довести бунт до победы. Таким человеком, с точки зрения Запада, оказался Ленин, взявший на вооружение европейскую теорию марксизма. В известном смысле, Октябрьская революция явилась первым в истории человечества победившим бунтом. Правда, точно такой же бунт во Франции, с треском провалившийся и продержавшийся у власти всего несколько десятков дней – называют Великой Французской Революцией. Вот вам пример двойного стандарта: в России – бунт, во Франции – революция!

Тем не менее, к январю 1918 года было избрано Учредительное собрание. В него входили представители всех политических партий и общественных движений. Главной задачей «учредиловки» было найти мирный вариант решения важнейших проблем. Россия восемь месяцев жила в республике. Понятно, что парламент в России возник слишком поздно для того, чтобы успешно выполнить свою главную функцию: обеспечить мирную, эволюционную модернизацию государства и общества. В этом – первый урок для тех, кто занят модернизацией сегодня. И всё-таки, каковы же реальные

достижения российского парламентаризма конца 19 - начала 20-го века? Александр Солженицын описывает демократические институты России этого периода следующим образом:

«Независимость и открытость суда, строгая законность следствия утвердилась ещё с 60-х годов 19-го века, также как и печать без предварительной цензуры, а с 1906 г. – истинный парламент и многопартийная система (которая сегодня преподносится как новейшее достижение)... Для народа действовала бесплатная земская медицина высокого качества. Было введено рабочее страхование. В России был самый высокий в Европе прирост населения. И высшее женское образование в России стояло на одном из первых мест в Европе. И всё это обрушилось с 1917 года».

Но если нет веры своим «пророкам», то обратим внимание на мнение английского историка Тибора Самуэлла:

«Мало кто за границей знает о степени свободы в царской России в начале нашего столетия. Цензура была уничтожена, и была полная свобода печати: даже большевистские издания издавались без ограничения. В России была также полная свобода в отношении выезда за границу, были независимые профсоюзы, независимый суд, суд присяжных и передовая система социального законодательства. Был парламент – Дума с представителями партий всех оттенков, включая большевиков. В наше время дореволюционную Россию можно рассматривать как модель демократии, и по сравнению со 126-ю странами – членами ООН, как одну из 15-20 наиболее либеральных стран мира».

И все же революция свершилась именно в России! Почему? Потому что демократия – не «вещь в себе», а инструмент достижения «лучшей доли народной».

Действительно, трудно не согласиться с тем, что говорят господа Солженицын и Самуэлл. Это – правда. Я недавно был в Санкт-Петербурге в Мариинском дворце, где раньше заседал Госсовет (а сейчас – Законодательное Собрание Санкт-Петербурга). Это здание и сегодня через 100 лет восхищает и

поражает воображение своей роскошью, изяществом и классической архитектурой. Но Мариинский дворец и Петербург с его блистательным Невским проспектом – это еще не вся Россия.

Была и другая Россия - та, где жили мои родители. Мама – Мария Алексеевна - жила в богатейшем губернском городе Перми. Рано оставшись сиротой, она не смогла окончить ни одного класса школы. А мой отец Алексей Феоктистович в 1917 году уже воевал. Как вы думаете, что больше всего поразило его, крестьянского парня родом из Вятской губернии (почти в центре европейской части России!), когда войска Красной Армии вошли в Польшу? Его поразило то, что дома в Польше были побелены, а пол в домах деревянный! В российской деревне в те годы пол был земляной, а скотина жила вместе с хозяевами. И это в начале 20 века! Мой отец был единственным из 10 братьев и сестер, кто смог получить образование: до революции он окончил церковно-приходскую школу, а при Советской власти – медицинский институт. Так что же удивляться тому, что миллионы людей приняли Октябрьскую революцию и Гражданскую войну, как свое личное дело. Не допусти власть такого расслоения общества – революции могло бы и не быть.

После 1917 года принцип разделения властей отвергается. Иначе говоря, новое российское государство отказывается от парламентаризма европейского типа. Крах дореволюционного общества - это начало нового великого «исхода» россиян в поисках новой государственности.

Оптимистический взгляд на российское государство и парламентаризм после 1917 года:

“С приходом к власти большевиков в России начался новый этап развития демократии в близкой к русской истории форме – в форме Советов. Когда затихли бури гражданской войны и Россия начала мирное строительство, система власти в ней оказалась наиболее народной и демократической в мире и во всей истории... По Сталинской Конституции 1936 г. в СССР было введено всеобщее равное избирательное право. (Вспомните, кто имел право избирать до 1918 года!) Жизнь людей улучшалась с каждым днём. Советское правительство

и партия приобрели среди народа такой высокий авторитет, что уже не требовалось какой-либо особой агитации для голосования за того или иного кандидата. Народ искренне выбирал своего любимого вождя и его соратников... Высшее партийное руководство состояло из самых высших государственных деятелей СССР, их невозможно было разделить. Это было время мобилизационной экономики, и такая структура власти себя оправдывала”.

Сегодня послереволюционный (1917 года) период российской государственности, как и следующие за ним периоды, и специалистами, и простыми гражданами оценивается по-разному. Одни считают, что система власти, существовавшая с 1917 по 1953 гг. была не идеальной, но оправдывала себя, т.е. страна жила в «осажденном лагере». После же смерти вождя началась деградация власти, деградация партократии. Другие обращают внимание на то, что руководители страны и регионов все это время были вне критики. Однопартийная система, безальтернативные выборы отрицательно сказывались и на экономике, и на социальной политике страны, и на психологическом состоянии общества.

Но для исправления этого человечество за всю свою историю выработало только одно средство – парламентаризм. Такая система государственного руководства обществом предполагает разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную, а также существование определённой шкалы ценностей, включающей как общественные, так и личные приоритеты. Главным господином в гражданском демократическом обществе с высокой правовой культурой становится Закон. Отношения между судебной, законодательной и исполнительной властью должны выстраиваться на принципах независимости суда и парламента, конституционной ответственности правительства перед законодательным органом. Иначе, как говорил Василий Розанов, «Парламент не есть политическое явление, а просто казённый клуб на правительственном содержании». И только при наличии всех этих условий можно говорить об утверждении в стране парламентаризма!

Понятно, что ничего подобного не могло произойти ни в 50-х, ни в 60-х, ни в 80-х годах. Тем не менее, будучи «плоть от плоти» властвующей партийной прослойки, Михаил Горбачев, ощущая полную личную неспособность решить экономические проблемы государства (вызванные резким падением мировых цен на нефть) начал спонтанное реформирование государственной власти - перестройку. Грохот ломающегося «железного занавеса» - Берлинской стены - ещё долго будет стоять в ушах современников. Россия окончательно перестала быть «осаждённой крепостью». Все пути свободны. Можно выбирать те формы государственной власти, которые подтвердили свою дееспособность, т.е. привели те или другие народы к относительно высокому уровню духовного и материального состояния. Благо, примеров этому достаточно!

Но Россия во главе с Горбачевым снова ищет свой путь, который многие потом называли «особым путём, не желающих никуда идти». Слишком популярен был миф о том, что в условиях «подлинной демократии» именно Советы могли бы стать главным условием осуществления народовластия. И во 2-й половине 1980-х годов произошёл возврат к «раннесоветским» формам демократии - Съездам народных депутатов, как к якобы «более демократичным формам парламентаризма». Но правил выборов депутатов, настоящих демократических правил, а, вернее, закона о выборах – нового Закона о новых выборах - не было! Спешно по старому Закону избрали новый Совет народных депутатов. Что из этого получилось, мы все знаем.

Мишель Монтень когда-то сказал: «Лучшее государственное устройство для любого народа – то, которое сохранило его как целое». СССР перестал существовать. И этим многое сказано. Роль Горбачева в этом велика, но оценки этой роли неоднозначны. Запад до сих пор в восторге: еще бы, без единого выстрела рухнула советская сверхдержава! В России существуют две точки зрения. Одни считают Горбачева – «освободителем», и таких всего 1 % (столько проголосовало за Горбачева на выборах Президента России). Другие

уверены, что Горбачеву и сейчас нельзя без охраны ездить в метро, если бы у него вдруг появилось бы такое желание.

«Новые революционеры» совершили ошибку своих предшественников, когда-то заседавших в первом Учредительном Собрании. «Даровав» обществу некоторые свободы, они не учли, что у большинства членов общества отсутствует опыт пользования этими свободами, не учли и двойственную, противоречивую природу русского национального характера. Десятилетиями молчавшему народу разрешили гласность, и народ «заголосил». «Заголосили» и средства массовой информации, которые стали устраивать из Съездов настоящие шоу. Почти круглосуточные трансляции заседаний Съездов (а затем и Думы) и бесконечные газетные дискуссии о преимуществах демократии привели, в конце концов, к девальвации зарождавшихся демократических ценностей. Это сладкое слово «демократия» и все его производные незаметно стали нарицательными.

Между тем, еще Николай Бердяев говорил: «Демократия легко превращается в формальное орудие организации интересов... Демократия сама по себе не имеет внутреннего содержания, и потому обслуживать она может цели противоположные... Демократия может быть понята как установление условий...»

От себя скажу: демократия – это свобода, которая даёт народу возможность выбирать любую модель своего жизнеустройства, включая рабство. Не может быть демократии для демократии. Демократия – это благоприятные условия для достижения тех или иных целей. Вот почему многие из тех, кто называл себя в начале 90-х «демократами», сегодня находятся по разные стороны баррикад: у них оказались разные цели. При всём этом надо признать, что именно демократам-либералам пришлось начать разбирать завалы, образовавшиеся в результате окончательного крушения советского государства в 1991 году и его распада на «суверенитеты». Но завалы до сих пор так и не разобрали. За 15 лет этих разборов мы не достигли в экономике даже уровня 1990 года.

1993 год: великий 70-летний период без олигархов, без капиталистов, без «эксплуататоров» был завершён. Можно начинать новое «восхождение на гору», на которую до нас никто не взбирался. Можно ли сказать, что всё было напрасно? Я думаю, что нет. Русский народ взял на себя миссию, которая вряд ли ещё кому-то была бы по плечу. Он, как великий Луи Пастер, на себе проверил, что такое власть Советов, однопартийная система и «всемирные демократические выборы на безальтернативной основе». Русский народ сэкономил другим народам колоссальные временные, экономические и человеческие ресурсы. По этому пути они уже могут не ходить. Эксперимент «вся власть – народу» - не удался. Не удался не только в России, но и в других странах, других частях света: и там, где холодно и там, где тепло и комфортно жить.

В 1993 году Россия провозглашает себя демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Принимается новая Конституция. Этим страна даёт всем понять, что снова возвращается в мировое общедемократическое конституционное пространство с присущим ему парламентаризмом. Если верить тому, что «Бог – троицу любит», то на сей раз, наконец-то, должно было получиться то, что не получилось в 1906 и 1917 годах.

Но выборы в Государственную Думу состоялись после трагических событий - расстрела Дома Советов, поэтому эту Думу многие называли «Думой на крови». Коммунисты невзлюбили Думу из-за своей преданности Советам, а либералы-демократы, центристы и «независимые» не спешили признаваться в любви к Думе, потому что она ещё слишком отличалась от лучших образцов западно-европейского парламентаризма.

А что же увидел в Думе «простой» народ? Благодаря достижениям современной телевизионной техники и «беспристрастной» позиции журналистов центральных телеканалов, народ увидел в Государственной Думе... БАЛАГАН. Но только ли средства массовой информации несут ответственность за создание столь сомнительного образа Думы? Конечно, нет.

Ответственны, прежде всего, сами депутаты, не стеснявшиеся сравнивать свои дебаты с народным балаганом. Виктор Черномырдин, например, говорил: «Ещё немного побалаганим – уже ничей опыт не понадобится...».

СМИ же постарались изо всех сил сделать непрофессионализм и неуместность некоторых депутатов качественной характеристикой всей Думы в целом и донести это до широкой общественности. А депутаты, будто соревнуясь между собой, старались во всю следовать знаменитому указу Петра I «речи излагать токмо устно, а не по письменному, дабы дурь каждого видна была». В результате несколько лет подряд страна хохотала над думскими «комиками», не задумываясь особо над тем, что сама же их и избрала! Хохотала перед телевизором не только Россия, но и весь мир.

В конце 90-х годов появляется даже серьёзное филологическое исследование на тему: «Российская Дума как фольклорный персонаж: Пародия, плач, исповедь и пасквиль – жанры русской политики». То, что происходило с Российской Государственной Думой на протяжении всего последнего десятилетия 20 века и начале 21-го, наверное, проще будет оценить по прошествии какого-то времени. Не даром говорят, что «большое видится на расстоянии». Но уверен, что оценки не будут однозначными. Одни скажут, что это было очередное «блуждание по лабиринту», другие увидят в этом определенный прогресс.

Я же ограничусь тем, что скажу: к великому сожалению, россияне, привыкнув видеть в Думе «народный театр» и «театр абсурда», до сих пор не видят в ней высокоавторитетный орган законодательной власти. Граждане в большинстве своём не относятся всерьёз к процессу избрания в Думу. Более всего этим озабочены сами кандидаты, их партии, но не народ в целом. Психологи знают, что сформировать отрицательные стереотипы всегда легче, чем избавиться от них. Ещё печальнее, что эти стереотипы автоматически переносятся на региональную законодательную власть.

Областные «сенаторы» оказываются заложниками народной привычки видеть почти в любом депутате априори либо «клоуна», либо косноязычного,

малограмотного мужика. «Спасибо» Жириновскому и Шандыбину – долгое время не давали расслабиться... Но есть еще одна причина несерьезного отношения простых граждан к своему парламенту: принимаемые им законы не обеспечивают по-настоящему права людей. Но что же мешает нам избирать парламентариями действительно достойных людей, способных принимать обдуманное и самостоятельное решения, бороться за гражданские права?

Одно из трёх: или их уже не осталось (вымерли, уехали); или они настолько умны, что тщательно это скрывают, чтобы не идти в политику; или мы настолько ленивы, чтобы не пользоваться одним из важнейших прав – право избирать себе власть. Судя по процентам не являющихся в последние годы на выборы (от 50 до 80%), именно ЛЕНЬ, этот традиционный русский недуг, является одной из главных причин попадания в органы представительной власти случайных или недостойных людей.

Нужно осознавать, что пока народ - где по собственной воле, где по воле СМИ - смеётся над депутатами и не уважает законодательную власть, ни о каких КОНТРОЛЬНЫХ функциях парламента по отношению к исполнительной власти не может быть и речи. В результате последняя наделяется никем и ничем неограниченными полномочиями и возможностями. Парламент же из важнейшего демократического института превращается в послушную, не играющую самостоятельной роли «ассамблею». Но Россия это уже не раз проходила.

Говорю обо всех этих проблемах не как сторонний наблюдатель, а как человек, которому пришлось непосредственно участвовать в процессе развития института парламентаризма в нашей стране и не только. Моя депутатская карьера началась в 1962 году, когда мне было 24 года, и я работал прорабом. Меня избрали депутатом городского Совета в Северске. Далее мне пришлось работать депутатом Томского городского Совета народных депутатов и даже в руководстве этого Совета; депутатом областного Совета народных депутатов; депутатом Государственной Думы Томской области, членом Совета Федерации РФ, членом Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ). Меня трижды

избирали спикером Думы Томской области. 10 лет я был заместителем Председателя Совета законодателей России; заместителем Председателя Комитета по международным делам Совета Федерации. В настоящее время являюсь членом Президиума Совета законодателей РФ.

Каждая новая парламентская ступень, на которую приходилось подниматься, приносила с собой не только новые возможности и привилегии, но и новый уровень проблем и ответственности за их решение, новый опыт.

До сих пор вспоминаю культуру парламентских отношений в ПАСЕ. ПАСЕ – это 42 страны, которые представляют 263 депутата. Жириновский, как только появился в Европейском парламенте, так сразу же предложил создать там шестую партгруппу – ЛДПР. По регламенту он должен был для этого собрать подписи 15 делегатов из 3 стран. Он целый год ходил и собирал эти подписи: все знали, кто он такой, и не очень хотели с ним связываться. (Я, между прочим, ему свою подпись дал, т.к. понимал, что создание группы, пусть даже и ЛДПР, усилит позиции России в ПАСЕ). Наконец, Владимир Вольфович собрал все подписи и счастливый отдал документы руководству парламента. Решение вопроса назначили на вторую половину следующего дня. Но на завтра на утреннем заседании включили в повестку вопрос об изменении регламента и приняли решение: новая группа создается, если есть подписи 21 депутата из 7 стран. И всё. Жириновский получил отказ, но не «в лоб», а культурно, демократично. Нам еще европейским «галантам и политесам» учиться надо.

Говорю всё это для тех из вас, кто уже сейчас мечтает о карьере политика и видит пока в ней одни только плюсы. Между тем, в каждом деле существует не только «парадная», но и «будничная» сторона. Депутатские «парады» видят все по телевизору, поэтому на них останавливаться не буду, а вот о «буднях» кое-что скажу.

Будни – это обязательное ежедневное чтение огромного количества разных текстов, их анализ; подготовка к выступлениям и сами выступления перед различными аудиториями; работа над законодательными актами; прием избирателей, которых ты обязан выслушать и, по возможности, помочь;

бесконечные, часто очень утомительные поездки и т.д., и т.п. Но не все к этому оказываются готовы. Это относится и к Томскому молодежному парламенту, которому сейчас приходится преодолевать «болезнь роста». Кое-кто уже ушел оттуда. Им стало «неинтересно». Тем, кто остался, придется либо учиться работать по-настоящему, чтобы стать серьезными политиками, либо превратиться в закрытую молодёжную «тусовку», интересную только для самих её членов.

Что касается нашего «взрослого» парламента – Государственной Думы Томской области, то в настоящее время он представляет собой уже сложившуюся, хорошо отлаженную (за 12 лет!) структуру законодательной деятельности. Хотя начинать было чрезвычайно трудно. Дума возникла в марте 1994 года, то есть на самом гребне волны «всемирной любви и доверия» российского народа к парламентаризму, о чем я уже говорил выше.

Бесконечные трансляции заседаний российской Думы помешали населению области адекватно воспринять и оценить факт появления на свет собственного регионального парламента. Если бы по российским телеканалам почаще показывали заседания английского парламента, немецкого бундестага и американского сената, возможно, реакция была бы другой. А так – авторитет законодательной власти в глазах россиян в целом, и томичей, в частности, был «ниже плинтуса». Причём это равно касалось как рядовых граждан, так и представителей исполнительной власти. Авторитет нужно было зарабатывать буквально с нуля.

В марте 94-го мы ещё слабо представляли суть своей работы: как это – писать законы? Оно и понятно, никогда раньше в России не было законодательных органов субъектов Федерации. Восемь лет ушло не только на формирование Государственной Думы Томской области как настоящего, весомого органа власти, но и на приобретение опыта законотворческой деятельности. В первые же годы мы буквально «ловили в воздухе» темы для законов, выступали в роли «скорой помощи». В период беззакония в стране у нас была не «мажоритарная, а форс-мажоритарная» система. Часто

приходилось решать не свои прямые задачи, а проблемы ЖКХ, конкретных производств. Тогда по-другому и нельзя было.

Теперь мы в числе региональных дум, которые работают по плану законотворческой деятельности. На первый взгляд, в этом нет ничего особенного. Действительно, мы все научились «строгать» планы, живя в условиях социалистической экономики. Но далеко не все ещё могут планировать жизнь в условиях свободного рынка! Кроме того, наш план должен быть напрямую увязан с программой экономического развития области. Мы долго добивались, чтобы такая программа-«пятилетка» была. И она появилась. Можно и должно спорить о её качестве, но сам факт наличия таковой – это прогресс. Немногие субъекты Федерации имеют подобные программы. В общем, вначале выживали, теперь стараемся жить. Многие российские региональные думы переняли наш опыт.

К настоящему моменту Думой Томской области принято более 800 законов (из них более 400 базовых), не считая других важных документов. Одним из первых в стране был принят Устав Томской области, о котором главный советник Законодательного собрания штата Вермонт (США) Уильям Рассел сказал: «Через мои руки прошло очень много Конституций и Уставов американского, европейского и российского образцов. В сравнении с этими документами Уставу Томской области я отдаю предпочтение, как одному из самых демократичных».

Простому российскому обывателю трудно оценить деятельность думы, особенно когда над головой течёт, и в кране воды нет. Нам бы дай волю, мы бы одних сантехников в парламенты выбирали. И что интересно: летать хотим на самолётах, управляемых профессиональными лётчиками; лечиться и учиться - у настоящих врачей и учителей, а вот что касается законов, то нам вроде и «без разницы», кто их для нас разрабатывает. Каков с этой точки зрения качественный состав нынешней Госдумы Томской области?

В общем-то, избиратели, в этом конкретном случае должны поставить себе «пятёрку». Осознанно ли они осуществили свой выбор, или это результат

стечения обстоятельств, но среди 42 депутатов – 28 имеют опыт работы в исполнительных и представительных органах власти различных уровней; 32 являются представителями директорского корпуса, первыми руководителями предприятий, организаций, фирм и учреждений; 5 возглавляют муниципальные образования. Среди депутатов – 18 действительных членов-корреспондентов международных и российских академий, 9 профессоров и докторов наук, 8 кандидатов наук. Многие являются авторами научных трудов и патентов на изобретения. Большинство депутатов удостоено высоких правительственных наград. В Думе существуют четыре комитета и 13 комиссий, на которых предварительно прорабатываются все важнейшие решения.

Работа с молодежью не ограничивается только рамками Молодежного парламента. В целях развития научного потенциала Томской области и стимулирования творческой активности молодых ученых, студентов и учащихся Государственная Дума Томской области в декабре 2002 года постановила учредить конкурс для молодых ученых и юных дарований. Любой из вас, уважаемые студенты, может принять участие в этом конкурсе.

Большой опыт Думы позволяет ей работать слаженно и производительно по времени, количеству и качеству принимаемых решений, и не поддаваться на явно популистские предложения. Все депутаты являются, по сути, высоко профессиональными экспертами в той области, к которой относится возглавляемое ими предприятия, учреждения, направления. В Думе же в настоящий момент представлены все основные сферы «жизнедеятельности» региона. Но, к сожалению, не представлены все социальные слои населения. Профсоюзы, общественные организации должны активнее выдвигать своих кандидатов.

Но и для «рядовых» членов строящегося гражданского общества с развитым парламентаризмом есть работа - работа над своим правовым сознанием. Ведь присутствие закона само по себе не гарантирует его исполнения. Это присутствие может быть номинальным, а не реальным. Один из самых важных механизмов, обеспечивающих исполнение закона – это

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ. Но это очень тонкий механизм, который легко ломается и трудно чинится. Если постоянно не соблюдать права человека, то он становится похож на собаку, которую один раз обидели, и с тех пор она никому не верит и не надеется на хорошее к себе отношение.

Приблизительно такая история произошла в нашей стране с правами человека, и длилась она много десятилетий. Неудивительно, что у целых поколений атрофировано правовое сознание, и многие люди и сами не привыкли соблюдать законы и уж тем более к тому, что закон должен защищать их. Парламентариям необходимо помнить, что потомки оценят их работу высоко только в том случае, если им будет удобно и безопасно жить по тем законам, которые принимаются уже сейчас.

Заканчивая основную часть своего выступления, я хочу поздравить всех присутствующих, а также всех граждан Томской области со знаменательной датой – 100-летием российского парламентаризма - и выразить надежду, что, несмотря на его трудную (по сегодняшний день) судьбу, он, в конце концов, превратится в настоящий институт демократии в России!